

На все слова Хэ Яна Лу Тинфэн не проронил ни звука — он лишь смотрел на него своими глубокими, тёмными глазами, не отрываясь, словно пытался разглядеть в нём ответы на вопросы, которые сам себе боялся задать.

Когда Хэ Ян наконец высказал всё, что кипело у него на душе, он развернулся и, не колеблясь ни секунды, направился к подъезду, оставив Лу Тинфэна одного в полумраке опустевшего двора.

По дороге домой Лу Тинфэн вцепился в руль так, что побелели костяшки пальцев. Не отводя взгляда от дороги, он набрал номер Сяо Сюя и коротко, но жёстко приказал выяснить всё: всё о ребёнке Хэ Яна, всё о том, как он жил эти три года. Каждую мелочь, каждую деталь — чтобы ни одна крупинка не ускользнула.

В ту ночь Лу Тинфэн не находил себе места. Он ходил по комнате из угла в угол, то опускаясь в кресло, то снова вскакивая, словно собственные мысли не давали ему покоя. Они кружили в голове, сталкивались, путались, не позволяя сосредоточиться. Каждая мелочь трёхлетней давности всплывала в памяти, медленно складываясь в тревожную, почти пугающую мозаику.

Когда тогда, спрятавшись в тени, он наблюдал за Хэ Яном и мальчиком у ворот детского сада, Лу Тинфэн невольно подслушал их разговор, и чем дольше он вслушивался, тем страннее ему казались их слова. «Другой папа?» Значит, Хэ Ян не женился на женщине? Значит... этого ребёнка он родил сам? А «другой папа» — кто? Кого ребёнок так называет?

Мысли метались, сталкивались, не позволяя сосредоточиться, и вдруг — словно молния ударила в сухое дерево — догадка вспыхнула в сознании, выжигая всё остальное. Лу Тинфэн на мгновение даже перестал дышать. Холодный пот выступил на спине, и он крепко зажмурился, будто надеялся, что всё это лишь бред. Но правда уже проникла в него, пустила корни и больше не собиралась уходить.

Три года назад, когда они с Хэ Яном приезжали в старый особняк на ужин, дядя вскользь упомянул, что тогда Хэ Ян носил под сердцем его ребёнка. Того ребёнка они потеряли — говорили, что из-за того, что Лу Тинфэн тогда перебрал с алкоголем и произошёл несчастный случай. Но один факт оставался неизменным: Хэ Ян способен рожать.

Если же вспомнить, как странно он вёл себя в последние месяцы перед их расставанием — постоянную тошноту, отвращение к резким запахам, постепенно округлявшийся живот и странные вопросы, которые он задавал, — всё начинало складываться в единую картину. Теперь всё сходилось: каждая деталь указывала на одно и то же — Хэ Ян родил его ребёнка и все эти три года растил его один. Эта мысль жгла изнутри, разрывала на части, лишая сна и покоя.

Чжао Либин подкараулила их у ворот детского сада. Когда она увидела Хэ Яна с мальчиком, у неё невольно вырвался тяжёлый вздох. Ребёнок был поразительно похож на Лу Тинфэна: белоснежная кожа, огромные чёрные глаза, розовые губы — и особенно брови, разрез глаз, каждая черта кричала о родстве. Даже рост выдавал это сходство: для трёх лет мальчик был

заметно выше многих сверстников, и сразу было ясно, что вырастет высоким и красивым.

Хэ Ян узнал её сразу. За эти три года он, как и многие, сталкивался со светскими сплетнями и знал, что Чжао Либин давно уже не та звезда первой величины, какой была прежде. Теперь она прозябала где-то на задворках шоу-бизнеса, снималась в дешёвых сериалах на вторых ролях и, если появлялась на интервью, стояла где-нибудь в углу — почти незаметная, почти забытая. Она пришла сюда не просто так — ей хотелось увидеть его унижение и хоть немного утешить этим своё раненое самолюбие.

Хэ Ян не собирался с ней разговаривать. Он молча взял Сюаньсюаня за руку и направился к автобусной остановке, однако Чжао Либин шагнула вперёд и преградила ему дорогу.

— Госпожа Чжао, — голос Хэ Яна звучал ровно, но в нём чувствовалась сталь, — я готов уважать в вас женщину и не устраивать скандал. Но если вы продолжите в том же духе, уверяю, ничего хорошего для вас из этого не выйдет.

— Ого! — Чжао Либин растянула губы в насмешливой улыбке. — Хэ Ян, три года прошло, а ты стал таким зубастым. Прямо не узнать.

Она прищурилась и перевела взгляд на мальчика, который крепко держался за руку отца, словно опасался, что эта странная тётка причинит ему вред. — Это твой сын? — протянула она. — Симпатичный... Жаль только, что растёт без отца.

Хэ Ян усмехнулся — холодно, зло, так, что Чжао Либин на мгновение стало не по себе.

— Госпожа Чжао, следите за языком. Вы и так достаточно уродливы, чтобы ещё и рот превращать в помойку. С такими манерами вы долго в шоу-бизнесе не продержитесь.

Она захлебнулась от злости. Всегда считала себя острой на язык, но каждый раз, сталкиваясь с этим выскочкой, теряла всё своё преимущество. С трудом взяв себя в руки, она снова улыбнулась — той самой фальшивой, приторной улыбкой, от которой у нормальных людей сводило скулы.

— Хэ Ян, я ведь правду сказала. У этого ребёнка есть мать, которая его родила, но нет отца, который бы его признал. Лу Тинфэну плевать на твоего выроodka, иначе разве стал бы он отдавать собственного ребёнка в какой-то захудалый детский сад для чернорабочих?

Она знала, и эта мысль ударила Хэ Яна, словно пощёчина, которую он ещё не нанёс, но уже чувствовал на собственной ладони. Чжао Либин наняла частного детектива, и тот раскопал всё: выяснилось, что ребёнка родил сам Хэ Ян, что он гермафродит, и что мальчик — кровь от крови Лу Тинфэна.

Сколько лет она мечтала родить ему ребёнка, сколько сил потратила, пытаясь занять место

рядом с ним — и всё оказалось напрасно. А этот жалкий мальчишка сумел сделать то, что не удавалось ей: родить ему сына, его собственного сына. Ненависть медленно разъедала её изнутри, а больше всего она боялась одного — что однажды Лу Тинфэн увидит ребёнка, узнает в нём собственную кровь и заберёт их в свой дом.

Этого нельзя было допустить. Лучше уж выжить их из Пекина, растоптать, уничтожить так, чтобы не осталось ни следа. Если ей не достался Лу Тинфэн, значит, и этот мальчишка не должен получить его.

Внезапно тишину улицы разорвала звонкая пощёчина. Чжао Либин отшатнулась, прижимая ладонь к пылающей щеке. Под пальцами, сквозь слой тонального крема, проступала краснота — сначала робкая, затем всё ярче, словно кожа медленно вспоминала силу удара. Ладонь Хэ Яна тоже горела — от злости, от удара, от всего сразу.

— Ты... ты посмел?! — взвизгнула она, сверля его взглядом, полным такой ненависти, что казалось: ещё немного — и она испепелит его на месте.

Хэ Ян смотрел на неё спокойно, без тени страха. — Можете смотреть на меня как угодно. Я ударил вас, и вы это заслужили. Оскорблять меня — пожалуйста, я стерплю. Но если вы ещё раз осмелитесь открыть рот в сторону моего сына... — он сделал паузу, и в этой паузе было столько решимости, что Чжао Либин невольно отступила. — Клянусь: даже если вы женщина, я сотру вас в порошок.

Он развернулся и, крепко сжимая маленькую ладонь Сюаньсюаня, зашагал прочь, оставляя Чжао Либин одну посреди улицы, с пылающей щекой и ядовитой обидой, разъедающей её душу.

<http://bllate.org/book/16098/1588544>